

САШЕ И ТАТЕ ГЕРЦЕНАМ

Публикация Ю.П. Благоволиной и И.М. Рудой
Статья Ю.П. Благоволиной

“После всех бурь дети – моя пристань, – писала Н.А. Герцен Т.А. Астраковой 20 марта 1851 г. – Для себя я не ищу в жизни более ничего (...). Все страсти, все самолюбивые, несбыточные замыслы унеслись, сознание, что отдаю себя всю, что делаю насколько только есть во мне – успокаивает меня” (XXIV, 166). Эти строки написаны в один из самых драматических моментов биографии Н.А. Герцен: при разрыве с Гервегом, при еще продолжающейся мучительной переписке с ним – и тяжелой борьбе в ее душе между страстным, еще не угасшим чувством к нему и чувством долга жены и матери, которому она неукоснительно отдает предпочтение во всех письмах к Гервегу этого периода. “Я не смогла бы ни покинуть детей, ни отнять их у Александра”, – писала она ему¹. Дети были решающим аргументом, определившим ее окончательный выбор в той трагической ситуации, в которую поставила ее жизнь, – и именно в детях искала она в это время успокоения и возможность продолжать дальше жизнь, не теряя веры в то, что она еще в жизни нужна. “А потом дети – о Александр, тут, мне кажется, мои сломанные крылья выздоравливают и расправляются, – восклицает она в письме к мужу от 18 июня 1851 г. – кажется иногда, что тут мне есть куда и что могу все несбывшееся, все бродящее – осуществить”². “Воспитание мне кажется священнодействием, и я стараюсь непрерывно быть достойною и способною хранить и раздувать священный огонь (...) вся деятельность, вся жизнь моя в них – помогай мне, друг мой, в них, да будем мы так же спаяны, так же слиты воедино в них, как во многом”³.

Публикуемые письма Н.А. к детям писаны по дороге из Ниццы в Турин (9 июля 1851 г.) и по приезде в Турин, оттуда – уже параллельно и одновременно с Герценом (10–13 июля того же года).

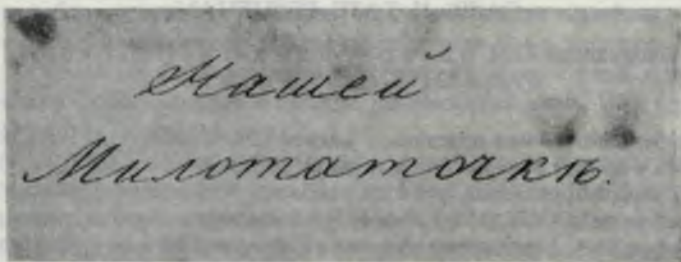
После отъезда мужа из Ниццы в Париж она писала ему 18 июня: “Принесли твое (письмо) от 14-го на имя Таты, из-за чего произошло великое неудовольствие между ею и Колей, он обиделся, что письмо не к нему, а Тата тем, что ее письмо меньше Сашиного, когда-нибудь напиши им на большом листе”⁴. А за четыре дня до того она просит его: “Да напиши детям по особенному письму, они бог знает как ждут этого”⁵.

Уехав от детей на неделю, Наталья Александровна пишет ежедневно, отдельно Саше и Тате – каждому по самостоятельному письму. Есть все основания предполагать, что посылались письма и Коле, но они были адресованы, видимо, Л.И. Гаг и до нас, как и большая часть ее архива, не дошли совсем. Сохранилось 10 писем. Одно из них – Тате от 13 июля – опубликовано (см. XXIV, 196) и в настоящую публикацию не входит. Из всего этого комплекса – если не считать не дошедших до нас писем к Коле – нам неизвестно только одно письмо: Тате от 12 июля.

Кроме писем из Турина, писем Н.А. Герцен к детям нет, потому что она никогда больше не разлучалась с ними⁶. И эти письма очень важны. Если *теоретические* суждения и размышления о воспитании встречаются во множестве ее писем, к самым разным адресатам, за все годы, начиная с момента появления на свет ее первенца – Саши, – то ее слов, обращенных непосредственно к детям, до сих пор мы не слышали никогда. А письма к детям – это педагогика в действии, практическая реализация того стиля воспитания, который был так тщательно и глубоко продуман ею – матерью, не только страстно любящей, но наделенной еще и острым чувством ответственности за вверенное ей судьбой огромное и важное дело – воспитание человека в сложнейших условиях окружающей социальной действительности (“Для того, чтобы воспитать одного человека (...) надо воспитать целое общество”, – пишет она Астраковой)⁷, в условиях оторванности детей от родины, изоляции от сверстников – словом, в обстоятельствах, действительно трудных для формирования полноценной человеческой личности.

Коллективом, который прежде всего формировал личность ее детей, была семья. И она стремится развить в детях чувство любви и привязанности к семье, всех членов семьи друг к другу, чувство ответственности каждого за всех близких. Не только двенадцатилетнему Саше пишет она в первом же письме: “Смотри, чтоб и другим было хорошо, ведь ты теперь вместо меня остался” (п. 1), но и семилетнюю Тату спрашивает, бережет ли она Оленьку “и нашу милую пупоньку”⁸ (п. 5).

Педагогика Н.А. Герцен – это педагогика любви и доверия. Любовь свою к детям она не только не скрывает – она делает ее основной, преобладающей, пронизывающей каждое слово тональностью писем, она высказывает ее открыто, не считая нужным хоть сколько-нибудь ее сдерживать и “замораживать” в стиле письма. “Таточка, душечка, милушечка, ласточка, звездочка, цветочек, радость ты моя!” (XXIV, 196). “Здоров ли, весел ли ты, милый мой Са-

КОНВЕРТ ПИСЬМА Н.А. ГЕРЦЕН ДОЧЕРИ ТАТЕ

Автограф. (Турин, 12 июля 1851 г.)

Литературный музей, Москва

ша? пиши ко мне, как я буду ждать твоих писем" (п. 1) – и проч. Любовь – основа взаимоотношений, без нее невысказана семья и самое дело воспитания. И отсюда яркая эмоциональность реакции на письмо сына, в котором изливается его грусть, его привязанность к матери: "Я бросилась к папаше на шею, и мы оба плакали, слезы эти были сладкие, радостные оттого, что у нас *такой* сын" (п. 6). *Такой* – это значит умеющий любить. А Наталья Александровна считает эту способность высшей ценностью, дарованной человеку, и стремится развить ее в детях, сосредоточив на этом главное внимание свое как воспитателя. "Я научу их любить и быть любимыми, – это выше, это прежде всего", – пишет она о детях мужу 19 июня 1851 г.⁹ Все остальные свойства для нее – производные от этого, определяющего. Вместе с любовью Наталья Александровна строит свое отношение к детям на основе полного доверия к добрым задаткам в их натуре, ее предписания и указания принципиально лишены авторитарности, она советует что-то, как бы не сомневаясь в том, что ребенок и сам может поступить только так, а не иначе: "В тебе, мой Саша, я так уверена, что и не напоминаю просьбу – быть благоразумным и вместо меня заботиться о Коле, Оле и Тате, ты у нас старший и большой такой!" (п. 4). "То, что мне пишут о тебе, не удивляет меня, а радует", – сообщает она ему в ответ на лестные отзывы о нем в письмах к ней его учителей (п. 9). "Удивить" ее могло бы только плохое в ребенке, все хорошее, доброе в нем – естественно и как бы само собой разумеется.

В письмах к старшему сыну она разговаривает с ним как с равным о серьезных вещах: "Мы познакомились здесь с Валерио, я много говорила с ним о России, он путешествовал (...) и был в южной России до Киева, знает наших поэтов, любит очень Пушкина, поэтому эта встреча для меня вдвойне приятна" (п. 9). Тема России, интереса и любви к русской культуре – одна из центральных для Герценов в общей проблеме воспитания детей, и Наталья Александровна пользуется случаем лишний раз поговорить об этом с сыном. И вместе с тем ее письма – это письма именно к ребенку, она ни на минуту не забывает, что адресует их двенадцатилетнему мальчику, и стремится не утомить его чрезмерной серьезностью: "Прощай, ясный мой сокол, ну беги уж, прыгай, веселись!" – кончает она первое свое письмо к нему (п. 1). "Тот бы ты попрыгал козельком", – восклицает она, рисуя ему спираль, которую образует дорога в горах (п. 2). Почти все письма к Тате сопровождаются рисунками – и вообще стремление прежде всего порадовать детей письмами, сделать их яркими и доступными определяет их стиль – предельную краткость при предельной выразительности и экспрессивной насыщенности их слога.

Разумеется, 10 коротких писем, из которых четыре адресованы совсем еще маленькому ребенку – семилетней дочери, недостаточны для того, чтобы дать сколько-нибудь полное представление о принципах воспитания, которыми руководствовалась Н.А. Герцен, но они все-таки очень существенны в этом смысле, потому что доносят до нас живую интонацию, голос матери, терпеливо, настойчиво ведущей детей в жизнь по пути любви и добра.

Отметим в заключение еще одну деталь в этих письмах: давая Саше совет по воспитанию Таты, Наталья Александровна уже прямо раскрывает секрет своего мастерства: "Не будь строг к Наташе, ведь она такая еще маленькая; делать ей замечания – твой долг, но только их надо делать кратко и с любовью, если хочешь, чтобы они были полезны" (п. 9).

Именно так – "с любовью" – воспитывала детей она сама, достигая, по всей видимости, самых благоприятных результатов, так как известно, что дети отвечали ей на ее любовь самой нежной и страстной привязанностью.

Публикуемые письма дают возможность документально точно установить теперь время встречи Н.А. и А.И. Герценов в Турине: 2 часа ночи, с 9 на 10 июля. Известно, что в "Былом

и думах" Герцен ошибочно называет другую дату: "Ночью с 7 на 8 июля, часу во втором" (Х, 271). В "Летописи жизни и творчества А.И. Герцена" Л.Р. Ланский исправляет эту ошибку¹⁰, отсылая читателя к публикации писем Л.И. Гааг к М.К. Рейхель, выполненной Н.Д. Эфрос¹¹. Уточнив справедливо дату встречи Герценов, Н.Д. Эфрос далее замечает: "Не совпадают и часы туринской встречи, обозначенные Герценом и Луизой Ивановной. Герцен пишет, что почтовая карета, в которой приехала его жена, приходила в Турин во втором часу ночи. Луиза Ивановна утверждает, что Наталья Александровна приехала в Турин в 11 часов вечера. Указанные сведения Луиза Ивановна почерпнула из писем сына и невестки (...). Письма не сохранились"¹². На чем основано утверждение Л.И. Гааг, теперь установить, по-видимому, невозможно. Но нет никаких оснований сомневаться в точности слов самой Н.А. Герцен: "Я приехала сюда в 2 часа ночи; папаша ждал меня" (п. 4).

Таким образом, час приезда жены Герцен обозначает безошибочно.

Письма Н.А. Герцен к Тате (п. 3, 5, 7) публикуются И.М. Рудой по копиям, хранящимся в музее Герцена в Москве (ГЛМ, ф. 22). Письма к Саше (п. 2, 4, 6, 8, 9) и общее письмо ко всем членам семьи в Ницце (п. 1) публикуются Ю.П. Благоволоиной по фотокопиям РГБ с автографов ВН.

В п. 5 и 8 краткие приписки Герцена, до сих пор не воспроизводившиеся. Его же приписка к п. 4 опубликована (см. XXIV, 195) и в настоящей публикации опускается.

Наличие п. 1–3 и 5–9 в ЛЖГ II не зафиксировано.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ "Лит. наследство", т. 64, с. 308.

² См. выше письмо Н.А. к Герцену (п. 27).

³ Там же, п. 24.

⁴ Там же.

⁵ Там же, п. 18.

⁶ Сохранились еще две записки к Саше, одна без даты, другая от 25 декабря 1849 г. (РГБ, ф. 69.22.27, л. 1, 2). Но обе они относятся не ко времени разлуки. Первая из них написана, очевидно, Натальей Александровной, ушедшей из дому лишь ненадолго ("Саша, дружочек, не ходи купаться без того, чтобы поговорить с папой, он просит тебя об этом. До свидания. М а м а"); вторая – поздравительная записка к Рождеству ("Вот тебе мой подарок, милый дружочек мой Саша – эти несколько слов: люблю тебя как душу, как жизнь мою, будь хорош, будь счастлив! Твоя м а м а"). Нам пока неизвестны только письма Н.А. к сыну от конца июня – начала июля 1849 г., когда Саша был с отцом в Женеве, а Наталья Александровна оставалась в Париже. Но писала ли она тогда письма, адресованные Саше, или делала только приписки к нему в письмах к Герцену – мы не знаем, т.к. ее письма к мужу этого времени до нас тоже не дошли.

⁷ Письмо Н.А. к Астраковым (см. п. 81).

⁸ Прозвище А.Х. Энгельсон.

⁹ Письмо Н.А. Герцену (см. наст. кн., п. 26).

¹⁰ ЛЖГ II, 40.

¹¹ "Лит. наследство", т. 63, с. 408.

¹² Там же.

1

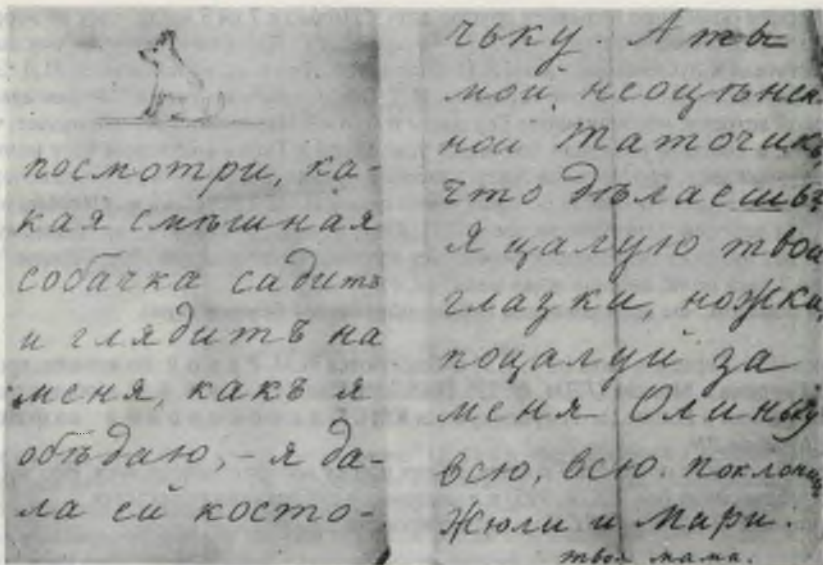
САШЕ и ТАТЕ

Супео, 2 часа, 9-е (июля 1851 г.)

Вот как я от вас далеко¹, мои дорогие, малые и старые друзья! но руки у меня выросли такие длинные, что я обнимаю вас отсюда. Вы меня провожали всю дорогу, физиология Фогта стала вверх дном на этот раз, и я смотрела не в себя, а из себя; то Оленька сидит в травке, как цветок, то Таточка – моя милая Таточка летит возле кареты в виде бабочки, то Колька соловей-разбойник, Саша, вы, моя пупонька², – право, иногда даже будто Шпильман идет из лесу, Владимир Аристович³ серенький... а к вечеру уж мне трудно стало, не до вас, тут кондуктор ухаживал за мною, как мать родная. Как-то вы там все???????????????? здоров ли, весел ли ты, милый мой Саша? пиши ко мне, как я буду ждать твоих писем; смотри, чтоб и другим было хорошо, ведь теперь ты вместо меня остался. Сегодня ночью буду в Турине. Прощай, ясный мой сокол, ну беги уж, прыгай, веселись! Целую тебя, жму тебе руку.

Твоя м а м а

ПИСЬМО Н.А. ГЕРЦЕН ДОЧЕРИ ТАТЕ

Автограф. (Турин, 9 июля 1851 г.)

Литературный музей, Москва

¹ Местечко Кунео (Кони) находится в 125 км от Ниццы. Это, по-видимому, первое письмо Н.А. с дороги, т.к. вечером 8 июля она чувствовала себя плохо и не в состоянии была писать.

² А.Х. Энгельсон.

³ В.А. Энгельсон.

2

САШЕ

(Кунео. 9 июля 1851 г.¹)

Дружочек мой Саша!

Как я вспоминала о тебе на самом верху *Tenda*², то-то бы ты попрыгал козелком, вот как идет дорога³.

¹ Письмо может быть отнесено только к 9 июля, т.к. написано по пути в Турин.

² *Tenda* – горный перевал, самая высокая точка на пути из Ниццы в Турин (1280 м над уровнем моря, около 90 км от Ниццы).

³ Далее следует изображение извилистой дороги.

3

ТАТЕ

(Кунео. 9 июля 1851 г.¹)

посмотри, какая смешная собачка сидит и глядит на меня, как я обедаю, – я дала ей косточку. А ты, мой неоцененной Таточик, что делаешь? Я целую твои глазки, ножки, поцалуй за меня Олинку всю, всю. Поклонись Жюли и Мари².

Твоя м а м а

¹ Датируется на тех же основаниях, что и п. 2.

² *Жюли и Мари* – прислуги в доме Герценов.

4

САШЕ

Турин, 10 июля 1851

Дружочек мой, милый Саша, я приехала сюда в 2 часа ночи; папаша ждал меня, и, как только дверь кареты отворилась, я увидела первое – его лицо, ты можешь себе представить, как я обрадовалась¹, папаша помолодел и похорошел, я вам его скоро привезу, он очень соскучился по вас, и мне, мой ангел, несносно не видеть и не слышать вас, мои милые, милые деточки! В тебе, мой Саша, я так уверена, что и не напоминаю мою просьбу – быть благоразумным и вместо меня заботиться о Коле, Оле и Тате, ты у нас старший и большой такой! Ты наша надежда, наша опора. Друг мой, обнимаю тебя крепко.

Город показался мне ночью хорош; как отдохну, пойдем с папашей купить вам здешнего гостинца.

Поклонись от меня Роке и Франсуа², попроси последнего прогнать всех зверей из всех кроватей.

Поклонись учителям твоим³. Да попроси нашего парижского бедуина не кривляться⁴.

Еще раз обнимаю тебя!

Твоя м а м а

Пиши! пиши! пиши!⁵

¹ Ср. X, 272.

² Рокка и Франсуа – слуги в доме Герцена.

³ С Сашей в это время занимались В.А. Энгельсон и К. Фогт.

⁴ Имеется в виду К.-Э. Хоецкий, незадолго до того приехавший из Египта.

⁵ Приписка Герцена – в XXIV, 106.

5

ТАТЕ

Турин, 10-е июля 1851

Ну вот я и с папашей, моя милая Таточка! мы все говорим о вас, милые детушки. Папаша думал, что я привезу ему его Тату, а я не привезла оттого, что боялась, что моя душаночка очень устанет. Мне так скучно без тебя, умница ты моя, что я уж более никогда не оставлю тебя, а буду все с собой возить или на себе носить. – Поцелуй за меня Оленьку, бережешь ли ты ее и нашу милую пупоньку? Целую твои ножки, шейку и глазки. – Пиши мне.

Твоя м а м а

Рукой Герцена:

Папа также целует свою Тату.

6

САШЕ

Турин, 11 июля 1851

Бесценный сын мой, дружочек, маленький, миленький, дитя мое, мой Саша! Твое письмо!!!! У меня недостает слов рассказать тебе мою радость, мой восторг от твоего милого письма, когда я прочла первые строки, – слезы полились у меня ручьем, я бросилась к папаше на шею, и мы оба плакали, слезы эти были сладкие, радостные оттого, что у нас *такой* сын, что ты нас так любишь. Твоя любовь ко мне – мое великое счастье, но мне жаль тебя, если ты горюешь обо мне, и молоко-то тебе горько без меня, о мой ангел! нет! да будет тебе все сладко, всегда, и весело, весело, весело. – Папаша посылает сегодня тебе и Коле вместе телеграф².

Я напишу Владимиру Аристовичу письмо³, но ты все-таки пожми за меня ему руку и Алек(сандре) Христ(иановне), люби их, *верь* им.

Милушка, целую тебя в твою умную головушку, в твои милые глазки, дитя мое милое, милое! И жму твою руку как другу моему. – Прощай, мне легче после того, как я имею о вас известие.

Твоя м а м а

У папы борода не такая уж, как была, а вот какая⁴

¹ См. в кн. 2-й наст. тома раздел "А.А. Герцен".

² Об этой игрушке см. в XXIV, 191.

³ Письма Н.А. Герцен к В.А. Энгельсону неизвестны.

⁴ Далее следует изображение "бороды".

7

ТАТЕ

Турин. 11 июля 1851

Душка моя!

Моя Таточка!

как я рада твоему письму¹, как ты хорошо его написала! целую твои пальчики, которые держали перо. Что Оля? Ты поцалуй у нее все 10 пальчиков и грудочку и спиночку.

Отдай Жюли от меня письмо. Кормилице поклонись. Пупоньку береги, ведь она тоже моя дочка. Мне весело, что ты с Коленькой так хорошо играешь. Я все думаю о тебе и скоро приеду к тебе.

Твоя м а м а

¹ Письма Таты к матери не сохранились.

8

САШЕ

Турин. 12 (июля 1851 г.)

Сегодня могу только обнять тебя, мой друг Саша, а тебя прошу обнять за меня Колю, Тату, Олю, пупоньку и Энгельсона.

16-е мы уже обнимем вас не заочно, а в самом деле.

Хоть расстояние и велико между нами – вы беспрестанно со мной, в моем сердце, в моих глазах.

Твоя м а м а

Сию минуту твое письмо и все другие¹. Будь осторожен, купаясь. Некогда писать более.

Рукой Герцена:

Посылаю тебе письмо от 4 июля², его прислали сюда.

¹ Эти письма неизвестны.

² О каком письме идет речь – неизвестно.

Турин. 13 июля 1851

Дорогой мой, милый мой Саша!

То, что мне пишут о тебе, не удивляет меня, а радует¹. Не будь строг к Наташе, ведь она такая еще маленькая; делать ей замечания – твой долг, но только их надо делать кротко и с любовью, если хочешь, чтоб они были полезны.

Может быть, мы сегодня выедем из Турина². Я еще ничего здесь не видела, кроме зверинца. Да и смотреть мне ничего не хочется, я слишком занята тем, что как вы там все, мои милые? Я очень уверена в Александре Христиановне и Владимире Аристовиче, но когда ты, мой дружок, вырастешь большой и будешь мне друг – тогда я совершенно спокойно буду оставлять на тебя всю семью, и ты отпустишь нас, старичков, погулять и покататься.

Турин порядочный городок, особенно мне нравятся аллеи, которыми он окружен; от всюда видны Альпы, и воздух удивительно свежий...

Мы познакомились здесь с Валерио³, я много говорила с ним о России, он путешествовал лет десять тому назад и был в южной России до Киева, знает наших поэтов, любит очень Пушкина, поэтому эта встреча для меня вдвойне приятна.

Прощай пока, мой маленький дружок сердечный. Целую тебя с головы до ног...

Пожми за меня руку Энг(ельсону) и Ал(ексandre) Хр(истиановне).

Мы поедем теперь через Геную.

Твоя м а м а⁴

¹ Герцен писал сыну в письме от того же числа: "Я с глубоким удовольствием прочел в письме Энгельсона, что он доволен твоим поведением" (XXIV, 196).

² Ср. в письме Герцена к Тате от того же числа: "Ну, вот, мы и едем, и едем... машина постукивает, лошади фыркают, бич хлопает, все едем" (там же).

³ Л. Валерио – пьемонтский политический деятель, добившийся отмены высылки Герцена из Ниццы.

⁴ Письмо Герцена к Саше и параллельные письма Н.А. и А.И. Герценов к Тате от того же числа см. в XXIV, 196.